

Удивительно, но судьба писателя И. А. Гончарова оказалась тесно связанной с Оренбуржьем, ибо именно в этих местах Гончаровы «встали на крыло», «выбились в люди». Первым в родословной писателя И. А. Гончарова упоминается его прапрадед, Лаврентий, живший в XVII веке¹. Судя по оренбургскому периоду жизни его внука, Ивана Ивановича, его сын, Иван Лаврентьевич (очевидно, житель Симбирска), возможно, был участником Северной войны (1700—1721), поселившимся в Симбирске. Возможно, именно он — в числе других старых «солдатушек» — был призван на строительство новой пограничной линии в Оренбуржье, куда прибыл со всей семьёй. Настоящую, основанную на фактах, родословную Гончарова и следует

* Статья написана при поддержке РФФИ (Проект № 17-04-50064: «Научная биография И. А. Гончарова»).

начинать с его деда — Гончарова Ивана Ивановича, который родился в 1710 году в Симбирске и там же, по-видимому, скончался в 1790 году в возрасте восьмидесяти лет.

Именно в его судьбе началось «историческое восхождение» Гончаровых. Во всяком случае, именно так сам Иван Иванович должен был ощущать то, что он сумел передать своему потомству. Сколько помнил себя Иван Иванович, Гончаровы, несмотря на многие доблести и замечательные качества, были людьми неизвестными, людьми исторической массы. Но в его жизни совершился долгожданный и, как показала дальнейшая судьба рода, не случайный «исторический поворот»: он, сын простого солдата, выслужил дворянство, а его внук стал писателем мировой величины!

В лице Ивана Ивановича Гончаровы преодолели какой-то определяющий рубеж, появилась возможность и необходимость исторической (в масштабах фамилии) переоценки родовой судьбы, потребность исторического самосознания. Для того чтобы понять, как сам Иван Иванович ощущал эту перемену, достаточно вспомнить судьбу великого поэта Афанасия Фета, который всю жизнь пытался выслужить дворянское звание в военной службе, будучи офицером, поэтом, мыслителем! Если такое большое значение этой

социальной «подвижке» придавал Фет, то что же тогда говорить о солдатском сыне Иване Гончарове? Правда, сам автор «Обломова» никогда не упоминал о своём дворянстве, и лишь только при его отпевании дьякон возгласил «вечную память боярину Иоанну»².

Дед писателя был не просто грамотным и способным простолудином, которому было даровано дворянство, он был человеком волевым, творческим, оригинальным. Хотя он и не создал ничего замечательного в литературном отношении, однако, как показывает семейный «Летописец», он был, несомненно, человеком с большим творческим потенциалом.

До своего взлёта юный тогда ещё Иван Иванович Гончаров исправлял в Симбирске должность подьячего. Возможно, в составе призванных на новые земли вместе с семьями участников Северной войны он попадает на строительство Закамской засечной черты. Народ там был востребован, ехали тысячами. «Из служилых людей... которые раньше являлись городовыми дворянами, солдатами, драгунами, рейтарами, были образованы Сергиевский конный и Алексеевский пеший ландмилицкие полки... Следует отметить, что эти 2 полка первоначально планировались для поселения на Царицынскую линию, затем это решение было отменено, и полки были

переориентированы на поселение на Закамскую линию»³... Таким образом, ландмилицкие полки формировались «не из рекрутов, а из однодворцев, отставных стрельцов, пушкарей, городских казаков и других чинов, издавна поселённых в окрестных пригородах и селениях прежней засечной черты»⁴.

Принято считать, что 16 апреля 1733 года, когда возник строительный бум на Закамской засечной черте⁵, Иван Иванович Гончаров был взят на службу писарем в Сергиевский ландмилицкий драгунский полк⁶. Однако следует уточнить, что Сергиевский ландмилицкий драгунский полк возник лишь в мае 1833 года в результате переименования Третьего сверхкомплектного конного полка Украинской ландмилиции. В 1737 году четыре полка ландмилиции были переданы в ведение Оренбургской комиссии.

Нужно сказать, что дворянство дед писателя выслужил трудно: условия были настолько тяжёлыми, что народ сбегал со строительства новой засечной черты. В. А. Кузнецов пишет: «Набор в эти полки шёл медленно, о чём свидетельствует указ от 4 июля 1735 года об укомплектовании полков и сыске сбежавших из них нижних чинов»⁷. Предполагалось, что нужно будет не только служить, но и кормить себя: «Ландмилиция представляла собой военные поселения.

Офицеры и солдаты ландмилицких полков по первоначальному плану должны были наделяться пахотной землёй и угодьями, от которой и «иметь пропитание». Например, рядовые получали от 22 до 55 десятин земли»⁸. В действительности же ландмилиция получала денежное и хлебное довольствие. Личному составу поселяемых полков дозволялось строить деревянные дома и мазанки⁹. Чтобы лучше понять обстановку службы, приведём некоторые цифры: «Каждый из конных ландмилицких полков по штату 1736 года состоял из 10 рот... В конном полку было 37 офицеров, 73 унтер-офицеров, 920 рядовых, 31 нестроевой чин... Всего в Закамской ландмилиции было 142 офицера и 3 912 нижних чинов. Кроме того, в каждом полку имелся поп и лекарь и состояло по штату до 50 школьников. Таким образом, численный военный состав ландмилиции был чуть более 4 000 человек»¹⁰.

В декабре 1737 года начальник Оренбургской комиссии В. Н. Татищев собрал «генеральный совет», на котором было принято решение о том, что Закамская линия становится бесполезной ввиду строительства новой пограничной линии — Оренбургской. Так и случилось, что основную службу дед Гончарова прошёл в Оренбургском крае в должности аудитора. В списке Сергиевского

драгунского ландмилицкого полка за 1739 год в графе «аудитор» записано: «Иван Иванов сын Гончаров, 28 лет, служит с 16 апреля 1733 году, из солдатских детей, г. Симбирска, грамоте умеет, женат, детей нет. Аудитор с 1738 года 28 июня. При полку, взысканий не было...» 16 июля 1743 года Иван Гончаров был произведён в поручики, а через полтора года, 6 апреля 1745 года, ему было пожаловано звание капитана. В списках Сергиевского драгунского ландмилицкого полка отмечено: «8 роты капитан Иван Иванов сын Гончаров, 38 лет, служит с 16 апреля 1733 года, солдатский сын, из г. Симбирска, грамоте умеет, сын Дмитрий, 4 лет, живёт при нём, с 1745 года апреля 6 дня при полку в Магнитной крепости, взысканий нет».

Солдатский сын, дослужившийся до капитанского звания, со временем (в 1751 году) стал начальником Урдасымской крепости¹¹. В этой должности он прослужил совсем недолго: может быть, несколько месяцев, а может быть, и не более недели: в июле 1751 года в крепости случился пожар, после чего Гончаров получил взыскание и был переведён начальником же в Таналькскую крепость¹². Здесь в 1754 году у Ивана Ивановича родился сын Александр, отец писателя Гончарова. В 1759 году дед вышел в отставку и поселился в родном Симбирске. В то время ему было сорок девять лет.

В родословной Гончарова дед — одна из ключевых фигур, уникал — и не только потому, что сделал головокружительную для солдатского сына карьеру и выслужил дворянство, но и потому, что его личность «задаёт направление» всему роду Гончаровых. Дело в том, что Иван Гончаров не просто был грамотным, у него была несомненная тяга к слову и притом к слову образному, художественному. Писателем он, конечно, не стал, однако талант его проявился своеобразно, в духе времени, и в весьма раннем возрасте. Иван Иванович был религиозен. Возможно, как и многие православные в Поволжье, был скрытым старообрядцем. С середины 1720-х по 1728 гг. он переписал и, вероятно, обработал «старообрядческий» апокриф «Страсти Христовы», а в 1728-1729 гг. — апокриф же «Повесть о крестном сыне», — которые сохранились в семейном «Летописце»¹³. В четырнадцать — шестнадцать лет мальчик начал переписывать «Страсти Христовы». Это средневековое сочинение особенно широкое распространение имело именно в старообрядческой среде. В этом книжном памятнике подробно описывались последние дни жизни Иисуса Христа перед распятием. Нет сомнения, что ещё в детстве маленький Иван Гончаров слышал чтение этой дедовской книги и держал «Летописец» в руках. Здесь начиналось становление

религиозности писателя. Анализируя ход развития личности, он всегда отмечал органичность, естественность, постепенность этого развития — в усвоении того, что составляет языковое, религиозное своеобразие человека. В письме к великому князю Константину Константиновичу Романову от 12–15 сентября 1886 года он писал, что «Христовая вера» «унаследуется сначала в семейном быту, от родителей, и потом развивается и укрепляется учением, проповедью наставников и, наконец, всем строем жизни христианского общества»¹⁴. Можно себе представить, что чувствовал и переживал впечатлительный мальчик, когда кто-нибудь из взрослых читал: «Наутрие же и возложиша на него великия железа на шию его и руце и приведоша его во двор Каиафе и тогда собрашася окаянии жидове малие и велице и с великою радостию яко во своих руках имеют его начаша его бити по ланитам и пхаху и плеваху аки в простое лице и в пречистые его очеса и во святыя уста...»

Несомненно, дед писателя имел творческие наклонности и, скорее всего, действительно, не ограничивался механической перепиской памятника. О его склонности к живописанию свидетельствуют заключительные строки, содержащие выразительную метафору: «Во славу святыхи единосущных и неразделимых Троицы Отца и Сына и Святаго

Духа написежесе сия богодохновенная книга страсти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Лета от сотворения мира 7236 году от воплощения же Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа 1728 году сентября 14 дня солдатского сына Ивана Иванова Большаго Гончарова и писана в городе Синбирску от оного Ивана Гончарова много грешнаго ево рукою яко серна от тенет избавися и тако и аз от сего труда. Аминь»¹⁵.

«Многогрешному» Ивану в ту пору едва исполнилось восемнадцать лет. Как только он закончил обрабатывать «Страсти Христовы», он начинает списывать в «Летописец» повесть под названием «Повесть о крестном сыне». Повесть представляет собою апокриф, рассказывающий о том, как один бедный человек не мог найти крестного отца для родившегося сына: все гнушались бедностью этого человека. Однако, видя такую несправедливость, Сам Господь вызвался стать крестным отцом мальчика. Этот апокриф был широко известен, он зафиксирован и в собрании В.И. Даля. Дед писателя поясняет в конце, зачем он переписал эту повесть: «...Сие же написано бысть слышшацим пользы ради»¹⁶. Читая указанные апокрифы, переложенные дедом писателя, удивляешься как религиозности совсем ещё юного Ивана Ивановича Гончарова, так и его литературному дару.

После опубликования «Летописца» можно не сомневаться, что писательский дар в семье Гончаровых был наследственным.

В «Летописце» фиксировались все важнейшие семейные и иные события, есть запись 1742 года Ивана Ивановича Гончарова о самом себе: «Пожалован я из полковых писарей в аудиторы 1738 года июня 28 дня, а из аудиторов в порутчики и 1742 году марта 18 дня и порутчицкой патент дан от Военной коллегии»¹⁷. В этой замечательной рукописной книге отмечено, в частности, и то, что Васса Степановна, вероятно, жена Ивана Ивановича, бабка романиста, «1759 году декабря 4-го числа... преставилась от сего света отыде в вечное блаженство погребена в Синбирску у Троицы в Николаев день»¹⁸, то есть 6 декабря. Тут же встречаются и другие по характеру записи, вроде: «1764-го года августа против 15-го числа то есть Успения Пресвятыя Богородицы всю ночь был гром велий беспрестанно и молния была беспрестанно»¹⁹.

Гончаров никогда не упоминал о «Летописце». В своих автобиографиях упоминает он о чтении Державина, Радклиф, различных путешествий и многого, многого другого... Может быть, романист умалчивал об этой семейной реликвии по причине ему скрытности...

Снова возвращаясь к загадке «культурного кода» рода

Гончаровых, отметим, что начиная с Ивана Ивановича обнаруживается то упорное, хотя и не бьющее в глаза, стремление Гончаровых «выйти в люди», которое победно, но уже и рефлекторно, с определёнными сомнениями и переживаниями, свойственными крупной личности, завершится в судьбе внука-писателя, преподававшего «грамоту» Наследнику царского престола и дарившего собрание своих сочинений самому русскому Императору! Ведь уже сын Ивана Ивановича, Александр, был не просто известным жителем Симбирска, но городским головой! Если прадед писателя — Иван Лаврентьевич — был простым солдатом, дед — капитаном и комендантом крепости, то сам Иван Александрович дослужился до чина тайного советника, то есть генерала гражданской службы! Эта явно выраженная воля заглянуть на следующую ступень социальной лестницы была характернейшим образом завершена в судьбе Ивана Александровича, и в этом стремлении окружающими было замечено как обычное здоровое начало, так и не очень приятные человеческие качества, подмеченные окружающими великого писателя современниками.

Помимо всего отмеченного, сделаем ещё один вывод: мы мало знаем об отце писателя, но, вероятно, даже если бы и знали больше, могли бы утверждать, что Гончаров унаследовал прежде

всего дедовские черты: невероятное упорство в труде, свойственное ему как на службе, так и в литературной работе, а также писательский талант, столь ясно проявившийся уже у деда. Говоря простым языком, Гончаров пошёл в своего деда Ивана, хотя нигде не упоминает об этом и вообще не пытается выяснять подобные вопросы.

Всю свою сознательную жизнь Гончаров прожил в Петербурге, но его личность и творчество вырастают из глубокой русской провинции, прежде всего из Симбирска. Но не будь Оренбуржья, не будь стремительного взлёта судьбы его необычного деда, может быть, и не было бы у нас и мирового классика — Ивана Александровича Гончарова... Низкий поклон Оренбургу.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См.: Алексеева Ю. А. Из истории родословной И. А. Гончарова // И. А. Гончаров: Материалы юбилейной гончаровской конференции 1987 года. Ульяновск, 1992. С. 143—151.

2. Петербургская газета. 1891. 17 сентября, № 255.

3. В. А. Кузнецов Новая Закамская линия и образование ландмилиции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2009. Т. 11, № 2. С. 37.

4. Там же.

5. «В 1648—1654 годы была построена Симбирская засечная черта, которая примыкала к Белгородской черте. Закамская засечная черта как логическое продолжение Симбирской была проведена в 1652—1656 годах. Её основное предназначение заключалось в охране Закамья от нападений ногайцев, калмыков, башкир. В 1651 году правительством были посланы специалисты для выработки плана новой укрепленной линии... В 1731 году для организации строительства укреплений на новой линии был послан тайный советник Ф. В. Наумов. Указом Правительствующего сената ему поручили избрать наиболее выгодные для расположения линии места, чтобы тем прикрыть большее число поселённых мест от набегов кочевников. В 1732 году последовал Высочайший указ Сенату, в котором определялось расположение линии. Общая протяжённость её по плану составляла около 320 вёрст. Она начиналась от крепости Алексеевской (30 км. восточнее кр. Самары) и шла на С-З по рекам Сок и Кондурча и выходила к Каме в районе Мензелинска... В 1733 году для строительства линии были истребованы с губернии 15000 чел. для работы в 2 смены. Первая смена работала с 1 мая до 15 июля, вторая — до 1 октября... Для охраны строителей на линии туда были направлены 3 армейских драгунских полка. В линию укреплений вошли крепости Алексеевская, Красноярская, редут Хороший, фельдшанец Чернорецкий, ред. Орлянский, кр. Сергиевская, ред. Казанский, Суружский, Кандереимский, Тарханский, кр. Черемшанская, Шешминская

и фельдшанец Кичуевский» (В. А. Кузнецов. Новая Закамская линия и образование ландмилиции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Самара, 2009. Т. 11, № 2. С. 35–37).

6. Сергиевский полк был сформирован 18 марта 1732 года как 3-й Сверхкомплектный конный полк Украинской ландмилиции. 7 мая 1733 года переименован в Сергиевский ландмилицкий конный полк Закамской ландмилиции. К 1766 году расквартирован в Озёрской. 16 января 1769 года переименован в Сергиевский драгунский полк. 31 августа 1771 года расформирован и обращён на составление лёгких полевых команд. Сергиевский конный и Алексеевский пеший должны были быть составлены «из прежних служб служилых людей, положенных в подушный оклад» (Смирнов Ю. Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 18.).

7. В. А. Кузнецов. Указ соч. С. 37.

8. В. А. Кузнецов. Указ соч. С. 37.

9. Там же.

10. Там же. С. 38.

11. Урдасымская крепость (Уртазымская) — укрепленное поселение Кизильской дистанции. Названа она по названию текущей рядом с нею реки Уртазым и составляла одну из опор Верхнеяицкой оборонительной линии. Крепость была основана в 1743 г. на правом берегу Яика, в 65 верстах к югу от Кизильской крепости. Известно, что в то время, когда там находился дед Гончарова, в Уртазыме строилась церковь во имя трёх святителей: Василия Великого,

Георгия Богослова и Иоанна Златоуста. Её заложили в 1747 году, а достроена она была лишь через 82 года — в 1829 году. «Крепость Уртазымская представляла собой земляное укрепление, обнесённое рвом и валом, с пушками по углам. Крепость была основана солдатами двух драгунских и пяти пехотных рот на башкирской земле. Башкирцы не давали крепости жить мирной жизнью, они налетали, жгли, грабили. Не могли смириться с тем, что земли, которые они считали исконно своими, больше им не принадлежат» (www.geocaching.su).

В 1773 году в гарнизоне крепости, возглавляемом капитаном В. Шукным, служило 74 солдата и офицера, здесь же проживало 15 отставных солдат; на бастионах стояли четыре пушки. С декабря 1773-го до начала мая 1774 года гарнизон с трудом отбивал нападения пугачёвских отрядов. 10 мая генерал-майор С.К. Станиславский, направлявшийся из Орской в Верхояицкую, забрал в свою команду большую его часть во главе с комендантом, оставив тут лишь больных и отставных солдат. 22 мая башкирский повстанческий отряд напал на Уртазымскую, разрушил и сжёг её строения, перебил находившихся там солдат. Любопытно, что Уртазымская крепость упоминается в архивных заготовках А. С. Пушкина к «Истории Пугачёва» (См.: Овчинников Р.В., Большаков Л.Н. http://www.orenburg.ru/culture/encyclop/tom2/tom2_fr.html; www.hrono.ru. Уртазымская крепость).

12. Таналькская крепость (Танальцкая) — укрепленное поселение Орской дистанции.

Основание крепости относится к 1743 году. Возникла она на правом берегу Яика, в 70 верстах к северу от Орской крепости. В 1773 году в гарнизоне её, возглавляемом подполковником А. Рассом, находились 85 солдат и офицеров, а также 32 казака; в артиллерийском парке было четыре пушки.

С начала декабря 1773-го по конец февраля 1774 года крепость неоднократно подвергалась нападениям со стороны пугачёвских отрядов. В конце концов А. Расс увёл гарнизон в более надёжную Орскую крепость. Весной 1774 года Таналыкская была разрушена и сожжена. Крепость также упоминается в архивных заготовках Пушкина к «Истории Пугачёва» (См.: Семёнов, В. Г., Семёнова, В. П. Таналык: крепость, станица, село.

Оренбург: Оренбургское книжное издательство имени Г. П. Донковцева, 2015. 560 с. Имя И. И. Гончарова как деда великого писателя упоминается в книге на стр. 6.

13. Летописец семьи Гончаровых. Ульяновск, 1996.

14. И. А. Гончаров и К. К. Романов. Неизданная переписка. К. Р. Стихотворения. Драма. Псков. 1993. С. 52.

15. Летописец. С. 339.

16. В приложении к биографии мы помещаем свой перевод данной повести, в её «гончаровском» варианте, взятом из семейного «Летописца».

17. Летописец семьи Гончаровых. Ульяновск, 1996. С. 285.

18. Там же. С. 286.

19. Там же.